

Анатолий МОКРЕНКО:

«В зале ищу соратников»

Имя солиста Киевского театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко, народного артиста СССР Анатолия Мокренко широко известно. Его искусство — пусть это оперная роль или концертное выступление — с полным правом можно назвать публицистическим, оно пламенно и призывно. Завтра А. Ю. Мокренко исполняется 50 лет. О себе и призвании художника он рассказывает в беседе с нашим корреспондентом Н. Кошарой.

— Анатолий Юрьевич, в Вашей жизни наступил этап, когда принято подводить определенные итоги становления личности. Хотелось бы услышать из Ваших уст, как и в какой мере Вам удалось «состояться».

— Моя программа в искусстве была скромной. Входил в него без «генеральских» претензий — истосковался очень. В консерваторию... в 30 лет.

Что способствовало успеху в работе? Упорная настойчивость не изменять самому себе, поддержка тех, кто видел во мне будущего художника.

Я вырос в Тернах на Сумщине в рабочей семье. А кто на селе не поет? Это естественное проявление человеческой природы. После победы на областной олимпиаде меня, десятиклассника, послали на прослушивание в Киев. Комиссия, в которую входили корифеи И. Паторжинский, З. Гайдай, благословила в консерваторию. Но ведь на селе пение не считали профессией. Думал: пою и буду петь, это у меня не отнимется! Но надо иметь настоящую профессию. Потому и пошел в политехнический институт, на геологию.

Участвовал в самодеятельности. И хотя любил геологию, мечтал о дальних краях, — председатель комиссии по распределению молодых специалистов и вся моя выпускная группа постановили оставить меня в Киеве и обязать учиться в консерватории. Такое единодушие побудило задуматься, оценить это и максимально собраться, чтобы реализовать давнишнее влечение, оправдать веру людей в меня.

— Вас звало небо, звали недра, знаю, что привлекала и привлекает кисть, поэзия и проза, но превыше всего — пение. Почему?

— Пожалуй, в нем ярче всего выражается моя сущность, стремление к непосредственному и широкому контакту с человеческой душой. Не брать, а давать — вот истинное счастье. Я и не подозревал, что столько смогу дать людям пением!

— Многочисленные слушатели знают Вас по эстра-

де как одного из активных популяризаторов гражданской песенной тематики.

— Горжусь этим. Значит, произведения гражданского звучания у меня получаются лучше, чем у других. Это моя тематика. Откуда ее начала?

Мое детство опалила война. Дед сражался за Советскую власть в гражданскую, а погиб от взрыва бомбы в Отечественную. Отец-коммунист (как самое дорогое хранит почетный знак «50 лет в партии») ушел на фронт добровольцем, — возвратился на костылях и взялся за восстановление сахарного завода. В девять лет я был старшим мужчиной в доме. Вскоре после того как матери нас, четверых детей, удалось во время фашистской бомбежки спрятать в канаве, прикрыв своим телом, я сам вырыл погреб, куда и переселилась семья во время ураганных боев... Так разве ж могу я не вкладывать всю душу в «Бухенвальдский набат». «Кров людскую — не водицу»?

А сколько раз я убеждался в душевной щедрости и величии советских людей. Я побывал в 30 зарубежных странах. И проникся еще большей гордостью за наш, советский образ жизни. Когда пою произведения гражданской тематики, я пою то, во что верю. Это мое гражданское кредо. Оно побужда-

ет меня бороться с безвкусицей на эстраде. Задача искусства, художника — формировать и воспитывать вкусы и духовные запросы.

В искусстве имеется развлекательный элемент. Но даже развлекательные песни не могут быть аполитичными. Ведь бездумность, невмешательство, равнодушие — это тоже политика. Я всей своей деятельностью, песней и словом, в печати, по радио, в беседах в школах, профтехучилищах, вузах, выступаю против такой «политики». В свое время большое впечатление произвел на меня прогрессивный американский певец Пит Сигер с его словами: «Петль только о розах — предательство».

Не всегда можно верить аплодисментам. Незыскательная публика бурно рукоплещет шлагерам. Я в многолюдном зале ищу соратников, и тех, кого моя песня заставит задуматься, разревонит, научит, укрепит на пути правды. Осуществлять такую объединяющую и воспитательную миссию — радость.

— И осуществляете ее успешно, о чем свидетельствует присуждение Вам Республиканской комсомольской премии имени Н. Островского и необычной для артиста награды — знака «Отличник народного образования». Но Вы удостоены и Государственной премии УССР имени Шевченко, и Государственной премии Грузинской ССР — за роль Мурмана в опере З. Палиашивили «Абесалом и Этери». Что же Вам ближе — эстрада или опера?

— Опера. Она дает широчайшие возможности для самовыражения — вокала, интеллекта, фантазии, пластики, чувств. На эстраде я чувствую себя более скованным — недостает драматургии, партитуры. В опере я создал 32 образа. То есть прожил 32 жизни. Даже сбылась моя детская мечта стать летчиком — я был первым исполнителем партии Мерсева в опере Прокофьева «Повесть о настоящем человеке». Шорс, Максим... Мишка Кошевой из «Тихого Дона» — одна из любимых ролей в моем репертуаре. А вечно живая классика! Меня всегда привлекают характеры сильные, мужественные, сложные. Будут ли это отрицательные герои, как Скарпиа в «Тоске», положительны, как Остап в «Тарасе Бульбе», или противоречивые, как Грязной в «Царской невесте». В третий раз приступаю к работе над Онегиным в новой постановке — одним из сложнейших, тончайших образов.

— Это ближайшая перспектива. А дальше?

— Петь еще лет десять. А потом — писать. Об искусстве, о деятелях культуры, о своих впечатлениях от зарубежных поездок, стихи и песни.

Фото Е. НИКОНЧУКА.